

Поражение шейного отдела позвоночника у взрослых больных ювенильным ревматоидным артритом. Описание трех случаев

А.М. Сатыбалдыев, Д.Е. Каратеев, А.В. Смирнов, Т.Г. Оскилко

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский институт ревматологии» РАМН, Москва

Research Institute of Rheumatology, Russian Academy of Medical Sciences, Moscow

Контакты: Азамат Махмудович Сатыбалдыев
Azamatsat@yandex.ru

Contact: Azamat Makhmudovich Satybalдыеv
Azamatsat@yandex.ru

Поступила 26.08.2011

Ревматоидный артрит (РА) является хроническим системным воспалительным заболеванием неизвестной этиологии, характеризуется прогрессирующей деструкцией суставов. Важную роль в развитии РА играют генетические и экологические факторы. Среди лиц белой расы РА выявляется у 0,8–1% [1]. Первичная заболеваемость составляет 27 на 100 тыс. населения в целом [2]. Распространенность ювенильного ревматоидного артрита (ЮРА) у детей до 14 лет составляет 45,8 (у подростков – 116,4) на 100 тыс., первичная заболеваемость – 12,6 (у подростков – 28,3) на 100 тыс. [3]. Следует отметить, что у подростков заболеваемость и распространенность ЮРА приблизительно такие же, как при РА взрослых.

Верхний сегмент шейного отдела позвоночника (ШОП) вовлекается у 17–86% пациентов с РА и занимает третье по частоте место (после кистей и стоп) [4]. Такой разброс данных по распространенности является результатом отсутствия стандартизованных международно признанных дефиниций подвывиха атлантаксиального (АтА) сочленения. Кроме того, использование более эффективных базисных средств в течение последнего десятилетия могло привести к уменьшению частоты и тяжести поражения ШОП у больных РА. При изучении литературы мы не встретили источников, которые освещали бы вопросы поражения ШОП у взрослых больных ЮРА. За 5-летний период только в четырех источниках освещалась эволюция ЮРА у пациентов, уже ставших взрослыми [5–8], но при этом не сообщалось о вовлечении ШОП.

Позвоночный столб состоит из позвонков, которые стабилизируются сложной сетью связок. В ШОП больных РА ослабление связок, нестабильность и подвывихи позвонков могут быть вызваны хроническим воспалением. Последующее сдавление спинного и продолговатого мозга может привести к серьезному неврологическому дефициту и даже внезапной смерти. ШОП, как правило, вовлекается уже в начале болезни, и его поражение тесно связано с воспалительной активностью в периферических суставах [9–11]. Первые признаки и симптомы АтА-нестабильности являются результатом пролиферации синовиальной оболочки. Передний АтА-подвывих развивается из-за деструкции поперечной, апикальной и крыловидной связок. Повреждение только поперечных связок приводит

к увеличению расстояния между зубовидным отростком II шейного позвонка и дугой атланта примерно до 3–4 мм; больший передний атланта-дентальный интервал указывает на повреждение крыловидно-апикального связочного комплекса, а также незавершенную фиксацию или резорбцию зуба С_{II} позвонка [9]. Средняя продолжительность РА на начальном этапе АтА-подвывиха 12,7 года (от 3 до 26 лет) [12]. У многих пациентов АтА-подвывих развивается в первые 3 года заболевания, но неврологические нарушения появляются в среднем после 18 лет болезни (диапазон 4–50 лет) [13]. При разрушении зубовидного отростка может развиваться задний АтА-подвывих. Прогрессирующая воспалительная деструкция боковых масс атланта и хроническая краниоцервикальная нестабильность приводят к вертикальному смещению (краниальное расположение, базилярное внедрение или верхняя миграция) зубовидного отростка [14–16]. Зубовидный отросток движется к foramen magnum затылочной кости и за пределы ее границ. Нарастание периодонтного паннуса ведет к хронической нестабильности [4, 17]. У 4–35% пациентов происходит вертикальное смещение [17], которое может уменьшить передний атланта-дентальный интервал и привести, как это ни парадоксально, к улучшению [14, 19, 20]. Вертикальное перемещение появляется в среднем через 16,5 года (от 4 до 33 лет) после начала РА и почти исключительно после возникновения переднего АтА-подвывиха [13, 21]. Участие субаксиального (СА) сегмента ШОП С_{II}–С_{VII} позвонков при РА встречается реже, возникает позднее и проявляется как многоуровневая передняя дислокация позвонков (7–29%) [18].

Клинические признаки и симптомы АтА-подвывиха варьируют от асимптомного поражения до тяжелой инвалидизации. Наиболее распространенной жалобой является боль в области затылка (связана с деструкцией АтА-сустава или со сдавлением затылочного нерва), а также симптомы шейной миелопатии: прогрессирование корешковой боли, слабость мышц конечностей, атрофия мышц, спастика (непроизвольное напряжение мышц конечностей из-за нарушения подчиненности двигательных клеток спинного мозга аналогичным клеткам головного), нарушение мочеиспускания. АтА-нестабильностью обусловлены такие симптомы, как боль в шее, головная

боль и затылочная невралгия. Результатом медуллярной компрессии (сдавления структур продолговатого мозга) могут быть парестезии, онемение, слабость, нарушение функций тазовых органов. При сочетании вертикального смещения зубовидного отростка с медуллярной компрессией могут выявляться дизартрия, дисфония, дисфагия, диплопия, онемение лица, апноэ во сне. Компрессия продолговатого мозга может привести к сосудистой недостаточности, головокружению и обморокам. Вертебробазиллярная ишемия в результате сжатия зубовидным отростком возникает редко [22, 23]. Его вертикальное смещение может также привести к сдавлению пирамидного тракта, поражение которого бывает трудно оценить, так как гиперрефлексия и спастичность могут маскироваться прогрессирующим заболванием суставов. Поражение пирамидного тракта в области его перекреста (граница продолговатого и спинного мозга) иногда приводит к внезапной смерти. Наличие симптомов непрямо коррелирует с тяжестью рентгенологически выявляемых аномалий. Интервал между выявлением АТА-смещения и развитием неврологических признаков и симптомов широко варьирует [21, 24–29]. По меньшей мере 15% больных с рентгенологически диагностируемым подвывихом не имеют симптомов [4], у 15–36% пациентов выявляется прогрессирующий неврологический дефицит [18], возникновение которого служит неблагоприятным прогностическим фактором [11, 30–34]. После выявления первых признаков шейной миелопатии при РА около 50% пациентов погибают в течение 6 мес и почти все умирают в течение нескольких лет [2, 30]. Прогноз же в отношении выживаемости при ЮРА в целом относительно благоприятен: летальность колебалась от 2–4 до 14% [35–38], а в настоящее время, по данным J. T. Cassidy и R. E. Petty, в Европе составляет менее 1%, в Северной Америке – менее 0,5% [3].

В отделе ранних артритов ФГБУ «НИИР» РАМН за период с 2000 по 2010 г. наблюдались три пациентки с ЮРА и развитием серьезной деструкции в АТА- или СА-сегментах ШОП. Приводим клинические наблюдения.

Больная Н., 61 года. Жалобы при поступлении: боли в суставах, онемение IV и V пальцев правой кисти, пальцев стоп, снижение чувствительности пальцев стоп, эпизоды перебоев в сердце, онемение затылка, головокружение.

Анамнез: болеет ЮРА с 1967 г. (с 14-летнего возраста). В дебюте полиартрит. Первоначальный диагноз по месту жительства – системная красная волчанка с высокой воспалительной активностью, 6 мес получала триамсинолон 24–40 мг, плаквенил. В 1968 г. в ФГБУ «НИИР» РАМН диагностирован ЮРА. Биопсия почки: умеренно выраженный мембранозный нефрит. Лечение: преднизолон 12,5 мг, далагил 0,25 мг/сут, нестероидные противовоспалительные препараты (НПВП). С 1992 по 1994 г. принимала азатиоприн 100 мг в день, затем (по настоящее время) метотрексат 5–10 мг в неделю (при повышении дозы – резко выраженная тошнота). Неоднократно проходила стационарное лечение в клинике ФГБУ «НИИР» РАМН в связи с обострениями. В 1987 г. выявлены деструкции головок правой бедренной и левой плечевой костей. В 1987 г. произведена хирургическая синовэктомия левого коленного сустава. В 1993 г. диагностирован амилоидоз (без протезирури). В течение 1 года принимала 1% раствор димексиды внутрь. Ухудшение с 2004 г.: полиартрит, утренняя скованность на протяжении 3 ч, отеки голеней, слабость, одышка при физической нагрузке. Выявлены деструкция головки правого плеча, АА-амилоидоз, мочекаменная болезнь, хроническая почечная недостаточность

(ХПН) I стадии. В течение 10 лет отмечались эпизоды повышения артериального давления (АД) до 180/100 мм рт. ст. Глюкокортикоиды (ГК) принимает непрерывно с 1968 г. С 2005 г. принимает колхицин (0,5–1 мг в день). Около 2 лет беспокоят онемение затылка, головокружение (уменьшается при использовании воротника-головадержателя).

При поступлении состояние средней тяжести. Ходит с трудом с опорой на костыли. Питание снижено. Рост 162 см. Масса тела 46 кг. Трофические нарушения кожи в области рук и ног. Множественные очаги внутрикожных геморрагий, истончение кожи. Отечность стоп, голеней. Послеоперационный рубец в области левого коленного сустава. Число болезненных суставов (ЧБС) составило 9, число припухших суставов (ЧПС) – 2. Припухлость левого коленного и правого плечевого суставов. Вальгусная деформация, сгибательные контрактуры коленных локтевых суставов. Вывихи, подвывихи межфаланговых суставов кистей, стоп. Ограничены движения плечевых и тазобедренных суставов, шейного отдела позвоночника. DAS 28=5,43. Со стороны внутренних органов физикальных изменений не выявляется.

Гемоглобин (Hb) 108 г/л, СОЭ 23 мм/ч, мочевая кислота 441 мкмоль/л, мочевины 10,94 ммоль/л, ревматоидный фактор (РФ) 265 (норма до 15 ед.), С-реактивный белок (СРБ), определявшийся высокочувствительным (вч) методом, – 9,3 (норма до 5) мг/л.

Суточная потеря белка 0,1–0,017 г/сут (суточный объем 1200 мл). Скорость клубочковой фильтрации (СКФ) – 46 мл/мин.

Биопсия слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки: выявлен АА-амилоид; AL-амилоид отсутствует. Денситометрия: остеопороз в шейке левого бедра: Т-критерий = -2,8. Рентгенография кистей, стоп: РА IV стадии. Рентгенография коленных суставов: резко сужены щели, множественные эрозии суставных поверхностей, выражен распространённый остеопороз, единичные кисты, субхондральный остеосклероз. Рентгенография ШОП – см. рис. 1. Магнитно-резонансная томография (МРТ) ШОП – см. рис. 2.

Рентгенография таза: сужена щель, неровность суставных поверхностей правого тазобедренного сустава. В левом тазобедренном суставе выраженная деформация и уменьшение в объеме головки бедра, подвывих кверху и кнутри. Протрузия головки в вертлужную впадину

Консультация невролога: сенсорная полинейропатия нижних конечностей, дистальный тип. Нейропатия правого локтевого нерва.

Назначены метипред 4 мг/сут, метотрексат 10 мг в неделю внутримышечно, фолиевая кислота 2 мг/сут (кроме дней введения метотрексата), колхицин 500 мкг, мелоксикам 15 мг, омега-3 20 мг, спрей кальцитонина 200 МЕ/сут интраназально, альфакальцидол 1 мкг, стронция ранелат 2,0 г.

Выявлены клинические и электрокардиографические признаки нестабильной стенокардии. Больная с подозрением на инфаркт миокарда переведена в кардиологическое отделение городской больницы, где был диагностирован не-Q-образующий инфаркт миокарда, нестабильная стенокардия.

Больная Ж., 39 лет, инвалид I группы. Жалобы при поступлении: боли, ограничение движений в тазобедренных суставах, боли в шее, повышенная болезненность и онемение рук, слабость в руках и ногах.

Анамнез: страдает ЮРА с 15-летнего возраста (с 1976 г.). В дебюте полиартрит, высокая воспалительная активность (СОЭ 55 мм рт. ст. по Панченкову, Hb 58 г/л), отсутствие РФ в периферической крови. С 1999 г. (через

23 года) ЮРА стал серопозитивным с высокими титрами РФ (до 1/1280). В дебюте ЮРА и через 7 лет по 1 году лечилась препаратом солей золота (ауротиомалат) и преднизолоном (25 мг) с постепенной отменой. В 1984 г. (через 7 лет от начала ЮРА), после вторых срочных родов, выявлены эрозивные изменения коленных суставов. С 1985 г. лечение аминохинолиновыми препаратами (хлорохин 0,25 г в день или гидроксихлорохин 0,2–0,4 г в день). В 1987 г. выявлена выраженная деструкция головки левой бедренной кости, в 1988 г. установлен эндопротез; выявлена тяжелая деструкция головки правой бедренной кости, планировалось эндопротезирование. В 1992 г. эндопротез левого тазобедренного сустава был удален в связи с инфицированием сустава, послеоперационным свищем с переломом (внутриоперационным) левой бедренной кости в средней трети. В 1989 г. — эрозивный артрит правого, а в 1999 г. — левого плечевого сустава. В 1991 г. впервые предъявила жалобы на боли в шее. Неврологом, со слов больной, выявлялись очаговые нарушения. Рентгенологически регистрировались изменения в ШОП (рис. 3). При осмотре в этот период регистрировались болезненность и ограничение подвижности в ШОП.

Перерывы в терапии с 1992 по 1994 и с 1995 по 1997 г. — лечилась «народными» средствами у «целителей» с ухудшением: прогрессированием ЮРА, высокой воспалительной актив-

ностью. В 1997 г. в ФГБУ «НИИР» РАМН назначен преднизолон 5–15 мг в день. В 1999 г. гиперестезия по типу «перчаток» и «носок» расценена неврологом как синдром полинейропатии. Очаговой неврологической симптоматики не выявлялось. С марта 2000 г. боли в шее усилились, с сентября 2000 г. — онемение в руках, с апреля 2001 г. — слабость в руках и ногах.

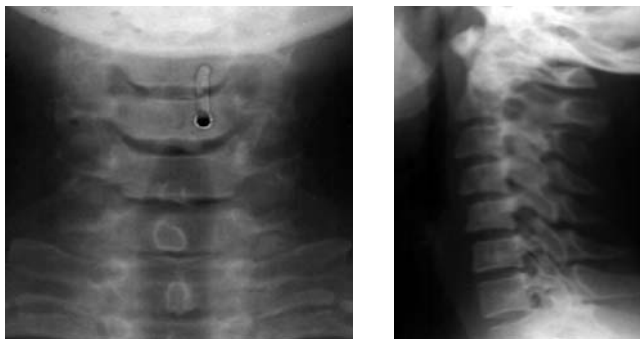
При поступлении состояние средней тяжести, положение вынужденное — лежит в постели, не может поворачиваться. В области правого локтевого

Рис. 1. Рентгенография шейного отдела позвоночника в боковой проекции. Сужены щели большинства межпозвонковых дисков (больше в C_{IV}–C_V и C_V–C_{VI}). Выраженный антелистез тел C_{IV} и C_V позвонков. Множественные поперечные эрозии тел C_{IV}–C_{VI} позвонков

Рис 2. МРТ шейного отдела позвоночника. Сужение спинномозгового канала на уровне C_{IV}–C_V и C_V–C_{VI} межпозвонковых дисков. Антелистез тел C_{IV} и C_V позвонков. Гиперлордоз на уровне тел C_{II}–C_V позвонков. Выпрямление лордоза на уровне C_V–C_{VII}. Подвывих тела C_I позвонка кпереди. Дислокация зубовидного отростка C_{II} кверху

Рис. 3. Рентгенография шейного отдела позвоночника в двух проекциях (1991): незначительно сужены щели дисков. Выпрямлен физиологический лордоз. Подвывих позвонка С₃ кпереди (4 мм). Небольшой антелистез тел позвонков С₃ и С₄. Заострены и вытянуты края унковертебральных сочленений

сустава, левого бедра послеоперационные рубцы. Укорочение рук, левой ноги. Деформация и ограничение подвижности суставов кистей, плечевых и локтевых, припухлость правого коленного и локтевого суставов. Отсутствие движений в левом коленном суставе, ограничение подвижности и боли в тазобедренных суставах. ЧБС составило 14, ЧПС — 2; DAS 28=6,46. В остальном физикальные данные без особенностей. Нв 102, СОЭ 21—48 мм/ч; титр РФ 1/80, антинуклеарного фактора — 1/160, циркулирующие иммунные комплексы 560 ед. о.п., иммуноглобулин (Ig) G 22 мг/мл.

Осмотр невролога: вывих позвонка С₃ с компрессией спинного мозга. Цервикальная миелопатия, полинейропатический синдром. Рентгенография кистей: признаки ЮРА IV стадии. Рентгеномиелография шейного отдела позвоночника (2001): смещение позвонка С₃ кпереди на 1/2 поперечника, сужение позвоночного канала и компрессия спинного мозга.

Рекомендована стабилизация шеи воротником Шанца, назначен метипред 4 мг в день, плаквенил 0,4 г в день, внутрисуставно дипроспан, симптоматические средства, лечебная физкультура, физиотерапия.

В 2001 г. в ортопедическом стационаре в связи со спондилолистезом позвонка С₃, шейной миелопатией проведена иммобилизация ШОП головодержателем.

Позднее в связи с прогрессированием миелопатии и развитием тетрапареза по спастическому типу, нарушением функции тазовых органов (задержка мочеиспускания и стула), болями в шее в покое проведены наложение галоаппарата, дистракция и вправление вывиха, а также хирургическая фиксация позвонков С₁₁—С₁₄ системой ССД, задний спондилодез аутотрансплантатом из крыла подвздошной кости. Достигнуто полное вправление вывиха позвонка С₃. В послеоперационном периоде развились левосторонняя нижнедолевая пневмония, дыхательная недостаточность, потребовавшая подключения искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Проводили постоянную санацию трахеобронхиального дерева, лечение пневмонии, наложение трахеостомы. При положительной динамике со стороны органов дыхания и небольшом неврологическом улучшении (уменьшение болей в шее, появление единичных движений в ногах, большом пальце правой руки) была полностью прекращена ИВЛ и удалена трахеостома. Через 2 мес появились и стали нарастать боль во всем теле, ощущение жара, жжения, преимущественно по средней линии туловища, не купирующиеся обычными анальгетиками.

В феврале 2002 г.: глубокий тетрапарез — резкое ограничение движений в руках и ногах, повышение мышечного тонуса по спастическому типу (3—4 по Ashworth), сухожильная гиперрефлексия вплоть до клонусов кистей, надколенников и стоп, патологические верхние и нижние знаки (Жуковско-го, Россолимо, Оппенгейма, Бабинского). Гиперестезия с гиперпатией в зоне С₁₁—С₁₄ слева, гипестезия по сегментарному типу в зоне С₁₁—С₁₄ справа и гипестезия, переходящая в анестезию поверхностной чувствительности по проводниковому типу с уровня С₁₁—С₁₄. Глубокая чувствительность относительно сохранена.

В нейрохирургическом стационаре с целью купирования болей проведена операция по установке нейростимулятора — стереотаксическая имплантация хронического электрода в периакведуктальное пространство (серое вещество головного мозга) и подкожного приемника в правую подключичную область. После контрольной компьютерной томографии (КТ) головного мозга проведена коррекция положения внутримозговой части электрода (системы для хронической электростимуляции). На фоне электростимуляции с небольшой амплитудой с частотой 160—200 Гц у больной отмечалось не

Рис. 4. Рентгенография ШОП позвоночника в боковой проекции: а — от 2007 г.: выпрямлен физиологический лордоз, небольшой кифоз на уровне тел позвонков С₅—С₇. Выраженный антелистез С₅. Деформации многих тел позвонков. Подвывих I шейного позвонка кпереди. Дислокация зубовидного отростка С₆ кверху. Выраженное сужение и деформация спинномозгового канала на уровне С₅—С₇. Резко сужены щели всех межпозвоночных дисков. Множественные остеофиты. Опорные площадки тел позвонков эрозированы. Выраженный субхондральный остеосклероз тел позвонков С₁₁—С₁₄; б — от 2008 г.: за период наблюдения с 2007 г. без заметной динамики; в — от 2010 г.: за период наблюдения с 2007 г. отмечается определенная положительная динамика (нарастание склеротических изменений в телах позвонков, уменьшение переднего смещения и фиксация тела позвонка С₅, анкилозирование тел С₁₁—С₁₄ позвонков)

выраженное, но отчетливое уменьшение парестезий в обеих кистях. Эффект от сеанса длительностью 15–20 мин продолжался 4–5 ч.

Большая Ч., 46 лет. Жалобы: судороги ног, пальцев кистей, онемение кистей, стоп, нижней части живота, боли в суставах кистей, тазобедренных суставах, ШОП, слабость в руках и ногах, невозможность самостоятельно сидеть, стоять, держать в руках предметы, затруднение дыхания, головокружение, нарушение мочеиспускания, дефекации, повышение АД.

Анамнез: больная ЮРА с 14 лет (с 1974 г.). В дебюте полиартрит, повышение температуры тела до фебрильных значений. Лечение купренилом (максимальная доза 1500 мг в день, поддерживающая – 450–600 мг) в течение 30 лет с перерывами в 1982–1983, 1985–1986 гг. (вынашивание беременностей) и в 2005 г. (отсутствие препарата). С 1976 г. наблюдалась деформация кистей, затем коленных, плечевых, голеностопных суставов. Ухудшение после стресса с осени 2006 г.: похудание, нарушение функции кистей, стоп, судороги ног и рук. С марта 2007 г. перестала самостоятельно подниматься с постели и стоять, нарастала слабость, преимущественно в ногах. С 21–22.03.2007 г. – онемение живота, нарушение дефекации (стул 1 раз в 3 дня с помощью слабительного) и задержка мочеиспускания, отеки ног, отрицательный диурез. Ухудшение состояния после падения (2 мес назад).

При поступлении состояние средней тяжести. Самостоятельно не передвигается, не встает с постели, не может принимать пищу. С посторонней помощью передвигается в кресле-каталке. Укорочены верхние конечности. Вывихи, подвывихи суставов кистей, локтевых суставов. Деформация и припухание коленных, голеностопных суставов. Ограничение движений в правом тазобедренном, плечевых суставах, ШОП. Бурситы в области локтевых суставов. ЧБС – 5, ЧПС – 2, DAS 28 составил 5,05. Пульс 90 ударов в 1 мин. АД 200/100 мм рт. ст. Другие физикальные данные без особенностей. Нв 85 г/л, анизоцитоз умеренный, смешанный пойкилоцитоз, гипохромия, СОЭ 32 мм/ч, СРБ 1,0 мг/л (норма до 0,5), титр РФ 1/320, АНФ – 1/40 крапчатого свечения, креатинин крови 91 мкмоль/л, креатинин мочи 3,7 мкмоль/л, СКФ 38 мл/мин, суточный диурез 1350 мл. Остальные показатели не изменены.

Рентгенография кистей: признаки ЮРА IV стадии. Рентгенография коленных суставов: выраженные деструктивные (эрозивные) и остеосклеротические изменения эпифизов костей. Выраженная деформация эпифизов костей (уменьшение в объеме). Кальцинаты мягких тканей, распространенный остеопороз. Рентгенография ШОП – см. рис. 4, а–в.

Консультация невролога: тетрапарез. Синдром выключения артерии Адамкевича (нарушение спинального кровообращения на грудном уровне). Вертеброгенная цервикалгия. Нейропатия локтевого нерва в рамках кубитального канала, срединного нерва – кортикальный синдром, больше справа. Признаков шейной миелопатии не выявлено, хотя изменения в шейном отделе позвоночника выраженные. Слабость в руках обусловлена поражением периферических нервов. Консультация уролога: нарушение мочеиспускания связано с поражением позвоночника.

Назначены метотрексат 10 мг/нед, гидроксихлорохин 200 мг/сут, миорелаксанты курсами, средства, улучшающие микроциркуляцию, антирезорбтивная терапия, при болях – НПВП, анальгетики, средства, стимулирующие моторику.

Госпитализация в нейрохирургический стационар в апреле 2009 г. Диагноз: спинальный стеноз позвоночного канала на уровне позвонков С_v–С_{vi}, компрессионная миелопатия шей-

ного отдела спинного мозга на уровне С_v–С_{vi}. Тетрапарез. Нарушение функции тазовых органов. Отсутствие позывов к мочеиспусканию.

В неврологическом статусе: синдром Бернара–Горнера, нижний спастический парапарез, верхний вялый парапарез. Сухожильные рефлексy с верхних конечностей низкие, с нижних – резко оживлены до клонусов стоп. Двусторонний симптом Бабинского. Нарушена функция тазовых органов (задержка). Нарушений чувствительности нет.

КТ ШОП: листез позвонка С_v кпереди со смещением на 0,9 см. Позвоночный канал на уровне верхних отделов С_{vi} сужен до 0,4–0,7 см (из-за дуги и остеофитов в проекции желтой связки С_v, тела и краевых костных разрастаний по его задневерхнему краю до 0,2 см). Анкилоз позвонков с С_{ii} по С_v, деформация тела С_v – снижена высота, анкилоз С_{vi} (конкресценция), дугоотростчатые суставы деформированы.

Операция 9.04.2009 г.: ламинэктомия позвонков С_v, С_{vi}. Задняя микрохирургическая декомпрессия спинного мозга, устранение спинального стеноза позвоночного канала на уровне позвонков С_v–С_{vi}. В послеоперационном периоде без осложнений. Заживление первичным натяжением. Неврологический статус без отрицательной динамики.

В настоящей статье представлены описания больных ЮРА с поражением ШОП. Заболевание у всех началось в подростковом периоде (14, 15 и 14 лет) и ассоциировано с женским полом. При изучении литературы мы не встретили данных о поражении ШОП у взрослых лиц, заболевших РА еще в детстве. Известно, что ревматоидное поражение ШОП на АТА- и СА-уровнях значительно отягощает прогноз [39, 40]. В представленных случаях отмечалось прогрессирующее течение заболевания, которое привело к нарушению способности к самообслуживанию (у всех пациенток был IV функциональный класс), развитию тяжелых осложнений: у двоих – миелопатия, у двоих – амилоидоз, у всех – остеопороз; и в отношении тяжелых сопутствующих заболеваний (у одной – инфаркт миокарда), и в одном случае – к летальному исходу. У одной пациентки гнойное осложнение эндопротеза тазобедренного сустава завершилось его удалением и препятствовало установке эндопротеза другого тазобедренного сустава. В литературе мы не встретили данных о генерализации эрозивного поражения суставов у больных РА с вовлечением АТА- или СА-сегмента ШОП. Характерные для ЮРА изменения ШОП могут приводить к срастанию дуг позвонков (чаще всего С_{ii} и С_{iii}) и обычно возникают уже в детском возрасте. Только у одной из троих развился анкилоз позвонков, но несколько другой локализации (С_{iii}–С_v) и через длительный период после начала заболевания (более 30 лет). Для ЮРА также характерно эрозивное поражение зубовидного отростка С_{ii}, подвывих атлантоосевого сустава и недоразвитие тел позвонков. У всех представленных больных регистрируются антелистезы позвонков С_i, дислокация зуба С_{ii} кверху и субаксиальные антелистезы позвонков (С_v – два случая, С_{iv} и С_v – один случай). У представленных пациенток клиническим проявлениям этого повреждения предшествовали прогрессирующие тяжелые деструктивные процессы в суставах (включая тазобедренные и коленные). В связи с этим встает вопрос о недостаточной эффективности по тем или иным причинам проводимой базисной терапии, что могло явиться одной из главных причин генерализации эрозивного поражения суставов. Это предположение может быть поддержано данными финских авторов [41], которые утверждают, что эффективная базисная терапия может не

только предупреждать, но и подавлять симптомы поражения ШОП у больных РА. Вероятно, благоприятные результаты могут быть получены при использовании генно-инженерных биологических препаратов (ГИБП) и современных принципов лечения РА, определяющих необходимость по-

лучения ремиссии или минимальной воспалительной активности (treat to target) [42]. В то же время возможность применения ГИБП при уже развившемся тяжелом поражении шейного отдела позвоночника при ЮРА требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moskovich R., Crockard H.A., Shott S., Ransford A.O. Occipitocervical stabilization for myelopathy in patients with rheumatoid arthritis. Implications of not bone-grafting. *J Bone Joint Surg Am* 2000;82:349–65.
2. Casey A.T., Crockard H.A., Bland J.M. et al. Surgery on the rheumatoid cervical spine for the non-ambulant myelopathic patient – too much, too late? *Lancet* 1996;347:1004–7.
3. Cassidy J.T., Petty R.E. Textbook of pediatric rheumatology. 4th ed. Philadelphia, 2002.
4. Bouchaud-Chabot A., Liote F. Cervical spine involvement in rheumatoid arthritis. A review. *Joint Bone Spine* 2002;69:141–54.
5. Salugina S.O. Retrospective analysis of the course and outcomes of juvenile arthritis in adult patients. *Ter Arkh* 2010;82(5):22–9.
6. Oen K. Long-term outcomes and predictors of outcomes for patients with juvenile idiopathic arthritis. *Best Pract Res Clin Rheumatol* 2002;16(3):347–60.
7. Solari N., Viola S., Pistorio A. et al. Assessing current outcomes of juvenile idiopathic arthritis: a cross-sectional study in a tertiary center sample. *Arhr Rheum* 2008;59(11):1571–9.
8. Minden K. Adult outcomes of patients with juvenile idiopathic arthritis. *Horm Res* 2009;72(Suppl. 1):20–5.
9. Nguyen L.S.C., Silber J., Gelb D.E. et al. Contemporary concepts review rheumatoid arthritis of the cervical spine. *Spine J* 2004;4:329–34.
10. Aggarwal A., Kulshreshtha A., Chaturvedi V., Misra R. Cervical spine involvement in rheumatoid arthritis: prevalence and relationship with overall disease severity. *J Assoc Phys Ind* 1996;44:468–71.
11. Oda T., Fujiwara K., Yonenobu K. et al. Natural course of cervical spine lesions in rheumatoid arthritis. *Spine* 1995;20:1128–35.
12. Agarwal A.K., Peppelman W.C., Kraus D.R. et al. Recurrence of cervical spine instability in rheumatoid arthritis following previous fusion: can disease progression be prevented by early surgery? *J Rheumatol* 1992;19:1364–70.
13. Falope Z.F., Griffiths I.D., Platt P.N., Todd N.V. Cervical myelopathy and rheumatoid arthritis: a retrospective analysis of management. *Clin Rehabil* 2002;16:625–9.
14. Nannapaneni R., Behari S., Todd N.V. Surgical outcome in rheumatoid Ranawat Class IIIB Myelopathy. *Neurosurgery* 2005;56:706–15.
15. Zoli A., Priolo F., Galossi A. et al. Craniocervical junction involvement in rheumatoid arthritis: a clinical and radiological study. *J Rheumatol* 2000;27:1178–82.
16. Pettersson H. Vertical dislocation of the C1 and C2 vertebrae in rheumatoid arthritis. *Acta Radiol Diagn (Stockh)* 1984;25:133–41.
17. O'Brien M.F., Casey A.T., Crockard A. et al. Histology of the craniocervical junction in chronic rheumatoid arthritis: a clinicopathologic analysis of 33 operative cases. *Spine* 2002;27:2245–54.
18. Monsey R.D. Rheumatoid arthritis of the cervical spine. *J Am Acad Orthop Surg* 1997;5:240–8.
19. Riise T., Jacobsen B.K., Gran J.T. High mortality in patients with rheumatoid arthritis and atlantoaxial subluxation. *J Rheumatol* 2001;28:2425–9.
20. Hamilton J.D., Johnston R.A., Madhok R., Capell H.A. Factors predictive of subsequent deterioration in rheumatoid cervical myelopathy. *Rheumatology (Oxford)* 2001;40:811–5.
21. Fujiwara K., Owaki H., Fujimoto M. et al. A long-term follow-up study of cervical lesions in rheumatoid arthritis. *J Spinal Disord* 2000;13:519–26.
22. Casey A.T., Crockard H.A., Geddes J.F., Stevens J. Vertical translocation: the enigma of the disappearing atlantodens interval in patients with myelopathy and rheumatoid arthritis. Part I. Clinical, radiological, and neuropathological features. *J Neurosurg* 1997;87:856–62.
23. Casey A.T., Crockard H.A., Stevens J. Vertical translocation. Part II. Outcomes after surgical treatment of rheumatoid cervical myelopathy. *J Neurosurg* 1997;87:863–9.
24. Yoshida K., Hanyu T., Takahashi H.E. Progression of rheumatoid arthritis of the cervical spine: radiographic and clinical evaluation. *J Orthop Sci* 1999;4:399–406.
25. Neva M.H., Kaarela K., Kauppi M. Prevalence of radiological changes in the cervical spine – a cross sectional study after 20 years from presentation of rheumatoid arthritis. *J Rheumatol* 2000;27:90–3.
26. Dreyer S.J., Boden S.D. Natural history of rheumatoid arthritis of the cervical spine. *Clin Orthop Relat Res* 1999;366:98–106.
27. Paimela L., Laasonen L., Kankaanpaa E., Leirisalo-Repo M. Progression of cervical spine changes in patients with early rheumatoid arthritis. *J Rheumatol* 1997;24:1280–4.
28. Kauppi M. Conservative treatment for rheumatoid cervical spine. *Lancet* 1996;347:1695.
29. Reijnierse M., Bloem J.L., Dijkmans B.A. et al. The cervical spine in rheumatoid arthritis: relationship between neurologic signs and morphology of MR imaging and radiographs. *Skeletal Radiol* 1996;25:113–8.
30. Casey A.T., Crockard H.A., Bland J.M. et al. Predictors of outcome in the quadriparetic nonambulatory myelopathic patient with rheumatoid arthritis: a prospective study of 55 surgically treated Ranawat class IIIB patients. *J Neurosurg* 1996;85:574–81.
31. Reijnierse M., Dijkmans B.A., Hansen B. et al. Neurologic dysfunction in patients with rheumatoid arthritis of the cervical spine. Predictive value of clinical, radiographic and MR imaging parameters. *Eur Radiol* 2001;11:467–73.
32. Sunahara N., Matsunaga S., Mori T. et al. Clinical course of conservatively managed rheumatoid arthritis patients with myelopathy. *Spine* 1997;15:2603–7.
33. Neva M.H., Myllykangas-Luosujarvi R., Kautiainen H., Kauppi M. Mortality associated with cervical spine disorders: a population-based study of 1666 patients with rheumatoid arthritis who died in Finland in 1989. *Rheumatology (Oxford)* 2001;40:123–7.
34. Fujiwara K., Yonenobu K., Ochi T. Natural history of upper cervical lesions in rheumatoid arthritis. *J Spinal Disord* 1997;10:275–81.
35. Ansell B.M., Wood P.H.N. Prognosis in juvenile chronic polyarthritis. *Clin Rheum Dis* 1976;2:397–412.
36. Ansell B.M. Chronic arthritis in childhood. *Ann Rheum Dis* 1978;37:107–20.
37. Ayling-Campos A., Luy L., Silverman E.D. et al. Measuring disability in juvenile dermatomyositis: validity of the Childhood Health Assessment Questionnaire. *J Rheumatol* 1995;22:326–31.
38. Calabro J.J., Holgerson W.B., Sonpal G.M. et al. JRA: a general review and report of 100 patients observed for 15 years. *Semin Arthr Rheum* 1976;5:257–98.
39. Oosveen J., Martin A., Gleen J. Successful conservative treatment of rheumatoid subaxial subluxation resulting in improvement of myelopathy, reduction of subluxation, and stabilisation of the cervical spine. A report of two cases. *Ann Rheum Dis* 1999;58:126–30.
40. Paus A.C., Steen H., Roislien J. et al. High mortality rate in rheumatoid arthritis with subluxation of the cervical spine: a cohort study of operated and nonoperated patients. *Spine (Phila Pa 1976)* 2008;33(21):2278–83.
41. Kauppi M.J., Neva M.H., Laiho K. et al. FIN-RACoTrialGroup. Rheumatoid atlantoaxial subluxation can be prevented by intensive use of traditional disease modifying antirheumatic drugs. *J Rheumatol* 2009;36(2):273–8.
42. Smolen J.S., Aletaha D. Monitoring rheumatoid arthritis. *Curr Opin Rheumatol* 2011, Mar 21 [Epub. ahead of print].